

Гнедой конь нес на себе двоих, и, как бы он ни был отважен, скорость неизбежно замедлилась. К тому же Юйвэнь Ху впереди уже опережал на несколько чжанов — неизвестно почему, он оглянулся после выстрела, иначе его отрыв был бы еще больше.

Несмотря на это, благодаря отчаянным усилиям Дань Чао, гнедой конь проявил чудесную скорость и в итоге, отстав на полкорпуса, пересек финишную черту вслед за Юйвэнь Ху!

Той же ночью.

— Тот солдат, что докладывал о мишенях, остолбенел. Как только Его Величество увидел, не поверил своим глазам, тут же приказал принести нож и расколоть центр мишени. И действительно, на конце стрелы, выпущенной братом Данем, обнаружили наконечник стрелы генерала Юйвэня, вогнанный в дерево так, что его четыре угла раскрылись, как цветок. А древко стрелы Юйвэнь Ху уже расколосось и разлетелось, найти не удалось...

— Еще бы! Стрела брата Даня вошла в мишень, расколов хвостовик стрелы Юйвэнь Ху. Представьте только, хвостовик меньше ногтя, а брат Дань попал точно в него!

— И не только точно, сила была такая, что даже железную стрелу расколола! Его Величество, увидев это, чрезвычайно обрадовался и сразу же захотел наградить нашего брата Даня тысячей лянов золота, назначить заместителем командующего императорской гвардией...

— Кхм-кхм!

Дань Чао наконец не выдержал и прервал. Под пристальными взглядами присутствующих он с досадой сказал:

— Не было тысячи лянов золота, и должности заместителя командующего императорской гвардией не существует, не болтайте ерунды.

Толпа бездельничающих гвардейцев громко рассмеялась. Под хмелем и в пылу страсти они по очереди подходили, называли его братом, а затем весело пили вино и ели мясо.

Большинство сыновей гвардейцев происходили из хороших семей, среди них было бесчисленное множество тех, чьи семьи имели заслуги и титулы. Поэтому, когда во время восточного инспекционного тура внезапно свалился с неба Дань Чао и сразу стал помощником командующего Се, большинство были недовольны.

Хотя они и не выказывали этого в лицо и не строили козней за спиной, но не звали его пить вместе, втихомолку обзывали лысым монахом — и это было вполне нормально. Волосы Дань Чао за более чем два месяца после ухода из храма Цыэнь отросли, но до высокой прически, собранной в пучок, было еще далеко, так что обозвать его лысым монахом было можно.

Дань Чао два года практиковал буддизм, развив в себе невозмутимость воды. Даже будучи намеренно изолированным, он оставался равнодушным к славе и позору. Он думал, что после окончания восточного инспекционного тура все разойдутся по домам и больше не будут пересекаться. Но кто бы мог подумать, что в последние два дня Дань Чао наступил на собачье счастье: прошлой ночью он избил Юйвэнь Ху, а сегодня на учебном поле потряс всех своей стрельбой, ослепив всех наповал.

Лысый монах мгновенно превратился в брата Даня, причем брата Даня красивого, элегантного, божественно храброго и невероятно прославившего Императорскую гвардию Северного ведомства.

— Эти деревенщины из Лагеря Сяоци теперь поникли. Золотые уста Его Величества изрекли, что Императорская гвардия Северного ведомства одержала великую победу. Если Лагерь Сяоци впредь посмеет ходить, задрав нос, мы им покажем!

Дань Чао невольно потер нос и, прикрыв половину лица винной чашей, сказал:

— Не было великой победы. Его Величество сказал, что ничья.

— Это Его Величество учитывает лицо клана Юйвэнь!

У Тин, брызгая слюной, описывал, каким некрасивым было лицо Юйвэнь Ху, похожее на лицо злой мачехи. Услышав это, он, не задумываясь, мимоходом заметил:

— Аристократические семьи занимают половину неба при дворе, а клан Юйвэнь возглавляет их. Даже Его Величество не желает открыто сталкиваться с их напором. Иначе почему наш командующий снова и снова терпит наглость этого типа Юйвэнь Ху? Будь это кто-то другой, его бы уже избили до полусмерти, раздели догола и выбросили на улицу!

Дань Чао...

— Кроме того, если бы Его Величество в душе не признал твою победу, разве стал бы награждать тебя и скакуном-тысячелийником, и молодым скакуном?

У Тин с наслаждением закатил глаза и поучительно сказал:

— Раз уж вступил в нашу Императорскую гвардию, всегда помни, чтобы не уронить дух нашего братства. Когда вернемся в столицу, мы, братья, сводим тебя прогуляться у ворот Лагеря Сяоци. Только не пешком, а верхом, именно на том гнедом коне, которого сегодня пожаловал тебе Его Величество!

Дань Чао...

Линия подбородка У Тина была поразительно похожа на Се Юня. Если закрыть верхнюю половину лица, его можно было принять за самого Се Юня. Он был тем самым тeneвым стражем, который притворялся Се Юнем и задержал Юйвэнь Ху.

Он уже пострадал от рук Юйвэнь Ху, поэтому говорил особенно резко. Особенно когда закатывал глаза — это мгновенно напоминало Дань Чао, как Се Юнь закатывал глаза на него... Он поспешил взять себя в руки.

— Дань Чао теперь отмечен в сердце Его Величества, — сказал другой, более рассудительный гвардеец. — Сегодня уже видно, что Его Величество хочет повесить его, но ему мешает лицо генерала Юйвэня. Если на протяжении всего восточного инспекционного тура не случится неприятностей, по возвращении в столицу Его Величество под любым предлогом наградит его, и указ о повышении обязательно выйдет...

— Будем ждать пира по случаю повышения брата Даня!

Молодые ребята, обнявшись за плечи, подняли шум:

— Терем Чэньсинь в районе Чанпин, ночной загул начинается...

— Что начинается?

У входа внезапно раздался холодный голос.

— Конечно же...

У Тин с улыбкой обернулся, и душа его чуть не ушла в пятки. Со звоном уронив винную чашу, он вскочил и упал на колени.

Позади него стулья и столы опрокинулись, чашки и палочки с грохотом покатались по столу. Гвардейцы, полуприсев на колени, были вне себя от страха:

— Ко-ко-командующий!

Се Юнь стоял в дверях, скрестив руки на груди. На нем был бирюзовый плащ, а под ним — парчовый халат. На поясе висела изумрудно-зеленая нефритовая подвеска, гармонирующая с цветом плаща. Этот наряд придавал ему более изящный и ученый вид, чем форменная одежда командующего императорской гвардией. К сожалению, его лицо оставалось таким же холодным и бесстрастным. Его безэмоциональный взгляд скользнул по склоненным головам в комнате, словно острые колючки пробежались по коже головы каждого:

— В резиденции императора, в разгар ночи собираться толпой, неумеренно пировать — хотите, чтобы вас всех выволокли и дали по десять ударов плетью для памяти?

У Тин украдкой посмотрел по сторонам. Увидев, что товарищи дрожат, как перепелки с отрезанными клювами, он понял, что надеяться не на кого. Пришлось собраться с духом и, дрожа, сказать:

— Отвечаю... отвечаю командующему, сегодня же...

— Это я сегодня вернулся с учебного поля, и все, чтобы успокоить меня и отпраздновать победу, выпили несколько чашек.

Дань Чао, опустив голову, сказал:

— Изначально другие ни при чем. Если командующий хочет наказать, накажите меня.

В этот момент все думали одно и то же: брат!

Се Юнь прищурился, окинув Дань Чао взглядом с ног до головы. Этого взгляда было достаточно, чтобы менее опытные и молодые гвардейцы обмочились на месте. Затем он тихо хмыкнул и сказал:

— Хороших дел от тебя не дождешься, а неприятности тебя не минуют. Десять ударов плетью пока запишем. Иди за мной.

... Брат, счастливого пути!

Под взглядами, полными трагического настроения «ветер осенний, вода холодная», Дань Чао поднялся и вышел. Переступив порог, он оглянулся и увидел, как все одновременно подняли руки, единообразно и с глубокими чувствами помахав в воздухе несуществующими носовыми платочками.

Во внутреннем саду дворца тихо журчала вода, в ночи слышались звуки насекомых. В эту ночь луна была тонким серпом, ее свет был бледным и легким. Искусственные горы и цветочные клумбы словно были окутаны легкой дымкой, смутно различимые.

Дань Чао молча последовал за Се Юнем. Тот, казалось, прогуливался при лунном свете. Его бирюзовая фигура медленно пересекала резные красные перила, когда он внезапно небрежно спросил:

— Юйвэнь Ху или Хэлань Миньчжи потом искали тебя?

— Нет.

Дань Чао был удивлен.

— Почему ты спрашиваешь?

После того как император объявил ничью, лицо Юйвэнь Ху, хоть и не выглядело радостным, но он и не протестовал. Поблагодарив за милость, он развернулся и ушел, не проронив ни слова. Хэлань Миньчжи же с улыбкой подошел поздравить Дань Чао, а также поздравил Императорскую гвардию Северного ведомства с двумя победами подряд над Лагерем Сяоци. Он сказал, что, должно быть, в столице больше не осталось сил, способных противостоять Северному ведомству, и титул первой армии Поднебесной уже не за горами.

Хэлань Миньчжи принадлежал к тому типу людей: ты еще ничего не сделал, а он уже навешивает на тебя одну высокую шапку за другой. А такой явно вызывающий недовольство императора титул, как первая армия Поднебесной, если ты действительно его заслужишь, позволит ему первому выступить и обвинить тебя в высокомерии и коварных замыслах. Если же не заслужишь, он сможет повсюду смеяться над тобой, говоря, что у тебя лицо толще неба, полностью забыв, что именно он сам придумал и нацепил эти высокие шапки.

Первый способ коварен, второй подл. Хотя это и мелкие уловки, но если их применять часто, они могут досаждают. Поэтому Се Юнь тут же, с улыбкой до ушей, ответил:

— Титул первой армии Поднебесной мы принять не смеем. Зато я знаю, кому принадлежит самое толстокожее лицо в Поднебесной.

Тогда Хэлань Миньчжи, следуя примеру Юйвэнь Ху, развернулся и ушел.

— Юйвэнь Ху — выходец из аристократической семьи, дорожит лицом. Ты дважды унизил его лицом, в будущем он обязательно захочет отомстить, неизвестно, когда подставит тебе подножку на служебном поприще. А Хэлань Миньчжи — человек мрачный и упрямый, в душе у него накопилась сильная обида...

Дань Чао перебил Се Юня:

— У вас с ним старая вражда?

Се Юнь холодно сказал:

— Я думал, вся Чанъань знает, как я связал его по рукам и ногам и выбросил у входа в музыкальное управление.